

К ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Основным документом, определившим политику правительства Василия Шуйского в отношении крестьянства, стало Уложение 9 марта 1607 г. Изданное в самый разгар борьбы против восстания И. И. Болотникова, оно явилось реакцией землевладельцев на антифеодальные лозунги и действия восставших.

В результате крестьянской войны крепостнический порядок в деревне оказался нарушенным. В районах, охваченных восстанием, крестьянское население, вливаясь в отряды восставших, покидало насиженные места. Современник имел в виду и крестьян, когда сообщал, что при движении И. И. Болотникова на Москву «изыдоша множество народу с ним и не остахся во странах тех, ни в градах, ни в селах, никто же, но токмо женский пол остаха». ¹ Это свидетельство получает подтверждение в материалах Разрядного приказа, где среди взятых в плен правительственными войсками после разгрома отрядов И. И. Болотникова под Москвой и последующих сражениях упомянуто много крестьян. ² О масштабах крестьянских побегов, их динамике в начале XVII в. можно судить на основании «свозных» книг Троице-Сергиева монастыря, исследованных Л. В. Черепинным и А. Г. Маньковым. ³ По подсчетам А. Г. Манькова, в 1605—1607 гг. из монастырских вотчин бежало 492 человека, тогда как за последующие 7 лет (1608—1614 г.) — 277. Некоторые вотчины потеряли свыше 20% своего крестьянского населения. ⁴ «Свозные» книги Троице-Сергиева монастыря уникальны. Но и другие источники в какой-то мере отразили крестьянские побег

¹ М. П. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. Исторический архив, т. VII, М.—Л., 1951, стр. 116.

² А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Документ Разрядного приказа. Исторический архив, т. VIII, М., 1953, стр. 28.

³ Л. В. Черепин. Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в. Уч. зап. Инст. истории РАНИОН, т. VII, 1928; А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 80.

⁴ А. Г. Маньков. Побег крестьян..., стр. 54; табл. 11.

во время восстания И. И. Болотникова. Записи о взятых с крестьян деньгах за потравленное «в бегах» монастырское сено сохранились в приходе-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря. Так, 30 января 1607 г. власти Иосифо-Волоколамского монастыря получили «сельца Сафонова на крестьянах на Костьке с товарищи за монастырское сено за 10 копей, 25 алтын, что они в беги монастырское сено стравили». ⁵ Аналогичные записи сделаны были в феврале и апреле 1607 г. ⁶

В напряженной обстановке крестьянской войны оживились надежды крестьян на восстановление права перехода. В ряде мест крестьяне начали осуществлять переходы самовольно. Отзвуки таких переходов находим в районе Нижнего Новгорода. При составлении в 1608 г. оброчных книг были сделаны ссылки на книги «бортных сел» приказчика Федора Кумяндина о том, что у старосты Вельдемановской волости Мити Иванова были взяты «с новоприблх вытей, которые крестьяне пришли в старые свои двory безо льготы, в прошлом во 115-м году вышли изо льготы выть и пол-чети выти, за государев за посопный хлеб за десять чети с полуосминою ржи за десять чети с полуосминою овса четыре рубли и шесть алтын и четыре деньги». ⁷

Нижегородские бортники и крестьяне принимали активное участие в восстании И. И. Болотникова. В Центральном государственном архиве древних актов нами обнаружена челобитная казанского жильца Афанасия Семенова, поданная в первые годы царствования Михаила Федоровича, рисующая положение в нижегородской деревне во время крестьянской войны. По словам челобитчика, «как де был Нижний Новгород в осаде от воров, а у него де с меньшими братьями был в Нижнем в кремле городе двор. И о том де их дворе были челом дети боярские нижегородцы Ондрей Мошенской да Максим да Микита Аяцкие, чтоб им дали приезд для осадного времени. И наши де воеводы, князь Александр Репини да князь Алексей Львов, для осадного времени на приезд отдали им того двора половину. А он де в то время был на нашей службе на низу в плавной с воеводою нашим с Замытнею Сабуровым. И после де Замытни был на Саратове три года. И как де Саратов царю Василью изменил, а цело[вали crest вору], и в те де смутные годы служил он наши всякие службы в Казани и в горные походы и луговые ходил. А братья де его, Иван да Тимофей, в то смутное время в Нижегородском уезде в деревне от воровства разорены до основанья и скитались в Нижнем меж двор». ⁸

⁵ ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 2, прих.-расх. кн., № 31, л. 29.

⁶ Там же, лл. 29 и 30 об.

⁷ ЦГАДА, ф. Боярские и городовые книги, Книга Коношениного приказа № 1, 1608 г., л. 167 об.

⁸ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, № 8, 1614 г., лл. 172—173.

Из приведенных документов следует, что в нижегородской деревне сложилась ситуация во многом сходная с той, которую ометил в своем исследовании И. И. Смирнов для Рязани.⁹ Нижегородские дворцовые и частновладельческие крестьяне перестали исполнять повинности помещикам и платить оброки в государеву казну. Часть помещиков вынуждена была бежать в Нижний Новгород и сесть в осаду «от воров», а их поместья оказались разоренными восставшими «до основания». По-видимому, этими обстоятельствами и воспользовались крестьяне, чтобы вернуться на старые свои места в дворцовую волость.

Со стремлением крестьян покидать своих владельцев и осуществлять переходы встречаемся мы и в районах, непосредственно восставшим не затронутых. Большой интерес в этом плане представляет тяжба между дворцовыми крестьянами и Хлыповским Успенским Трифоновым монастырем. 25 мая 1612 г. монастырские власти били челом на дворцовых полянских крестьян В. Посохина «с товарищи» в том, что «в прошлом во 119-м году покосили те крестьяня насильством их монастырские покосы на четыреста на пятьдесят копен, да той же Васька Посохин с товарищи пахали насильством их монастырскую пашенную землю, и те де их сенные покосы по сыску в монастырь отданы. А ныне де те полянские дворцовые все крестьяне живут на их монастырской земле, а по указу де велено тем крестьяном дворы свои ставити и пашня пахати за ключем за Дядяком. А ныне ему, архимориту Ионе з братьею, призвати крестьян негде, потому что те крестьяня заняли их монастырскую землю своими дворы и огороды, и ему де, архимариту Ионе з братьею, от тех крестьян утеснение великое, которые де они дворы ставили за их монастырскими льготами и записями, и те де их дворы обжигают и пустошат».¹⁰

В процессе расследования выяснилось, что крестьяне, вступившие в конфликт с монастырем, в прошлом жили за ним, но вышли из-за монастыря в 1607 г. и самовольно перешли в разряд дворцовых крестьян. Тогда в Казань к воеводам и боярам Степану Александровичу Волинскому и Богдану Яковлевичу Бельскому явились поп Пантелей Мижитин и крестьяне Иван Козьмин «с товарищи», которые просили поселиться на порожих монастырских землях по реке Вятке. «И бил челом тот поп и крестьяне, — писали монастырские власти в своем челобитье, — чтобы им на тех местах селитца во крестьяне за нами, и боярин Степан Волинский с товарищи про те места сыскивати и дозирати посылали Саву Аристова. И Сава Аристов тем местом привез дозорные книги, и по дозору и по сыску боярин Степан Во-

⁹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 496—497.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Вятская приказная изба, № 1, Кошійная книга Хлыповского Успенского Трифонова монастыря, л. 25 об.

лынский с товарищи тому попу и крестьяном на тех местах за нами во крестьянах садитца велели и грамоту им на те места дали за печатью царства Казанского, а льготы им дали на шесть лет. А вышли те крестьяне из-за монастыря жь, с монастырские земли, а записи де на них у архимарита з братьею есть».¹¹ И так, поселившиеся на порозжих монастырских землях крестьяне, несмотря на взятие на них записи, вышли из-за монастыря, перестали выполнять повинности и завладели монастырской землею. Монастырские власти последнее обстоятельство подчеркивали совершенно определенно — «и ту землю, на которой земле те их дворя стоят, называют государевою землею, а не монастырской». В результате незаконных переходов крестьян и захвата ими монастырской земли возникло новое дворцовое село, не существовавшее прежде. «А преж сего на том месте нашего дворцового села не бывало, — отмечали представители казанской администрации, — были те полянки в пуге».

Накануне издания Уложения 9 марта 1607 г. правительство Василия Шуйского не чувствовало себя спокойным даже в далеких от военных действий уездах. Остроту положения в деревне в то время хорошо характеризует наказ новгородских воевод и дьяков от 25 февраля 1607 г. губному старосте Шелонской пугины Федору Вельяминову о мерах предосторожности при производстве расследования и препровождении в Новгород возможных убийц помещика Петра Ильина сына Калитина. «А с теми с оговоренными людьми, — сказано в этом наказе, — дорогою велели ехать бережно, чтоб они з дороги не ушли и дурна над собою никоторова не учинили, чтоб их до Новгорода довести здорово». Предусматривалась возможность оказания содействия воровским людям со стороны волостных крестьян: «А будет по обыском те люди в своих воровских винах учнут ухораниватья, или избегаючи, или их в погостах волосные люди учнут ухоранивать, и вы б в тех погостах и волостех и во всей Корельской губе им заказали накрепко — старостам и целовальникам и волосным крестьяном и всяким людем: где те воровские люди по обыском появитца, и они б их, изымав, привели к вам тотчас. А вы б их прислали к нам в Великий Новгород потому ж з губными целовальники или з земскими дьячки и приказали им накрепко, чтоб их дорогою вели бережно и до Нова бы города довести их здорово». Сталкиваясь с враждебным отношением к действиям правительственной администрации в деревне, правительство Василия Шуйского делало ставку на раскол сельского населения. Те, кто будет способствовать поимке «воровских людей», должны быть вознаграждены из средств их укрывателей: «А будет тех воровских людей учнут ухоранивати государевых царевых и великого князя Василия Ивановича всеа

¹¹ Там же, л. 34.

Русии дворцовых сел и монастырских вотчин и детей боярских приказчики и крестьяне и всякие люди, а мимо их волосные люди и тутошные жильцы тех воровских людей у них вымут и приведут к нам в Великий Новгород, и на тех людех, у ково воровских людей вымут, по государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всеа Русии указу возьмут денги и отдадут тем людем, хто тех воровских людей, изымав, приведет к нам в Великий Новгород. А тем людем, у ково тех воровских людей вымут, от государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии быти казненым...».¹²

Перед нами скорее всего не результат правотворчества местной новгородской администрации, а применение ею к конкретным обстоятельствам какого-то общего постановления правительства Василия Шуйского. Это постановление представляло собой совокупность мероприятий, направленных на усиление борьбы с «воровскими людьми», среди которых могли быть как местные «воровские люди» — убийцы помещиков, так и лазутчики восставших. Что засылка последних довольно широко практиковалась болотниковцами, свидетельствуют соответствующие записи в расходной книге Разрядного приказа. 5 мая 1607 г. были выданы деньги «на корм» «колодникам тульскому посадцкому человеку Тишке Юрьеву да Максимку Верховскому, присланы из Серпухова с воровскими грамотами».¹³ 6 июля 1607 г. деньги выдавались «на корм» «лазутчику вору Петрушке Кузьмину, который поймав в Чюжской волости». Кинешемский губной староста Семен Ратков получил вознаграждение («рубль денег, да за тафту 2 рубля»): «А приезжал он к государю к Москве от товарищев своих, а от губных старост от Олексея Столыпина, да от Дмитрия Нелидова, да от приказчика от Олая от Нелюбова с отпискою, что поймали они в Чюжской волости воровского человека Петрушку Кузьмина».¹⁴ Поимка Петрушки Кузьмина в Кинешемском уезде летом 1607 г. показывает, как далеко проникали лазутчики восставших даже тогда, когда военные действия перемещались в район Тулы. Тем бóльшая опасность такого рода была осенью 1606 и зимой 1607 гг., когда борьба велась с переменным успехом. Военные операции, по мысли правительства Василия Шуйского, должны были быть дополнены мобилизацией всех средств подавления народного недовольства и пресечения каких-либо выступлений в тылу у правительственных войск. Наказ от 25 февраля 1607 г. отражает явное стремление правительства активизировать деятельность низших звеньев местной администрации (губных старост, целовальников, земских дьячков), противопоставить одни слои сельского

¹² ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. 42747, ч. I (дело из 16 лл.), лл. 4—5.

¹³ Исторический архив, т. VIII, стр. 51.

¹⁴ Там же, стр. 57.

населения другим. Предусматривались и различные виды наказаний от денежного штрафа до более суровых, а также денежные вознаграждения тем, кто будет способствовать обнаружению и поимке «воровских людей». Особая ответственность за их укрывательство возлагалась на приказчиков и, очевидно, волостных старост. В уездах должна была действовать налаженная система сыска.

Не трудно видеть, что с этими чертами, отмеченными в наказе от 25 февраля 1607 г., мы встречаемся и в Уложении 9 марта 1607 г. Для пресечения крестьянских побегов были применены меры, уже проверенные на практике борьбы с «воровскими людьми».

В такой напряженной обстановке в деревне даже в уездах, находившихся под контролем правительства В. Шуйского, и подготавливалось Уложение 9 марта 1607 г.

Социальной программе восставших, направленной на уничтожение крепостничества и его основы — феодальной собственности, составители Уложения стремились противопоставить свою, крепостническую программу.

Уложение 9 марта 1607 г. преследовало две тесно связанные между собой цели: во-первых, оно было призвано укрепить сложившуюся в основных чертах в России к концу XVI в. в общегосударственном масштабе систему крепостного права, нарушенную в результате классовой борьбы крестьянства, и, во-вторых, ослабить борьбу за рабочие руки между феодалами, чтобы сплотить все слои господствующего класса на подавление восстания Болотникова.

Первая цель достигалась как путем идеологического обоснования закрепостительной политики, так и посредством подтверждения и развития в новых условиях крепостнического законодательства о крестьянах 90-х годов XVI в.

Правильно связывая восстание Болотникова с изданием в царствование Федора Ивановича указа о запрещении крестьянам выхода в общегосударственном масштабе, составители Уложения 9 марта 1607 г. в то же время делали упор прежде всего на критике указов Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. Они характеризовали эти указы как такое нарушение первоначально провозглашенных принципов общего запрещения выхода и крепости крестьян по писцовым и другим книгам, которое непосредственно привело к крестьянской войне.

И действительно, восстановление в 1601 и 1602 гг., хотя и в ограниченных размерах, крестьянского выхода означало нарушение указа 1592—1593 гг. о его повсеместном запрещении, в том числе и о писцовых книгах 80—90-х годов XVI в. как юридическом основании крестьянской крепости. Для крестьян, которые вновь получили право выхода в 1601—1602 гг. и воспользовались им, эти книги закрепощающее значение потеряли, а для крестьян,

не получивших этого права, они продолжали оставаться основным документом, прикреплявшим их к земле. Единое юридическое основание крестьянской крепости в виде писцовых книг, провозглашенное указом 1592—1593 гг., оказалось нарушенным. Такое положение при наличии ожесточенной борьбы внутри господствующего класса за рабочие руки должно было вскоре привести к невероятной запутанности крепостнических отношений, к многочисленным тяжбам и обходам закона. Составители Соборного уложения 9 марта 1607 г. в своей исторической справке о ходе закрепощения в конце XVI—начале XVII в. имели все основания видеть в половинчатости законодательства Бориса Годунова о крестьянском выходе одну из причин, приведших к крестьянской войне.

Издав законы 1601—1602 гг., Борис Годунов завязал такой узел, который уже нельзя было распутать, а можно было лишь разрубить в будущем: либо полностью восстановив Юрьев день, либо решительно подтвердив указ 1592—1593 гг. и признав возникшие на основе применения указов 1601—1602 гг. отношения недействительными. По первому пути пошел Лжедмитрий I, но он был изложен и убит еще до того, как крестьяне смогли воспользоваться плодами его законодательной деятельности, носившей ярко выраженный характер социальной демагогии.¹⁵

Василий Шуйский и поддерживавшая его группировка господствующего класса взяли курс на подавление протеста народных масс с помощью военной силы и на решительное подтверждение крепостнического законодательства 90-х годов XVI в.

Высказав свое отрицательное отношение к крестьянскому выходу даже в сильно ограниченных размерах, составители Уложения 9 марта 1607 г. в дальнейшем уже не возвращались к этому вопросу. О крестьянском выходе в основном тексте Уложения 9 марта 1607 г. не сказано ни слова. Запрещение выхода в общегосударственном масштабе является для них безусловным и непреклонным фактом. При этом Уложении 9 марта 1607 г. исходит из закона царя Федора о запрещении выхода, мыслит и оперирует его понятиями.¹⁶ Владельческие права на крестьян Уложением 9 марта 1607 г. признаются за теми феодалами, за которыми они были записаны в «книгах 104 года» (1592—1593 гг.): «Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 104-го году положены, и тем быть за теми, за кем писаны». Это

¹⁵ См. об этом подробнее: В. И. Корецкий. 1) Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII вв. (О практической реализации указов 1601—1602 гг.). История СССР, № 3, 1964; 2) Восстановление Юрьева дня в России Лжедмитрием I. Ежегодн. по аграрной истории Вост. Европы за 1960 г., Киев, 1962.

¹⁶ Попытка реконструкции этого закона предпринята нами в статье: Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). История СССР, № 1, 1957.

предписание Уложения 9 марта 1607 г. должно быть расценено как признание действительными отношений между крестьянами и землевладельцами, возникших в результате применения указов Бориса Годунова 1601 и 1602 гг., а также закона Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г. Вместе с тем оно означало подтверждение указа царя Федора о запрещении выхода и учреждении писцовых, отдельных, отказных и др. книг основанием крепости.

Любопытно отметить случаи применения «101-го года» как грани для отчета при вершении дела о крестьянах в 1600 г. Новгородский помещик Деревской пятины Никифор Семенов сын Нармацкий обратился тогда с челобитьем о выдаче ему ввозной грамоты на поместье своего дяди Шарапа Нармацкого и переданного ему в додachu поместья Степана Заболоцкого, отделенных ему 29 марта 1593 г. губными старостами Ильей Плещеевым и Казарином Веревкиным. У выписки Никифор Нармацкий заявил, что «губные старосты Илья Плещеев да Казарин Веревкин по государеве грамоте отделили ему поместье за очи, не быв в том поместье, а в отдельных книгах в том дяди его поместье крестьян не написали ни одново человека, а он деи, Микифор, в те поры был на государеве службе в Ыванегороде, и выписи деи ему губные старосты с отдельных книг не дали». Н. С. Нармацкий просил о переделе поместья и о записи в отдельные книги, а затем и во ввозную грамоту крестьян, «чтобы недруги, вклепався в прямые его крестьяне, у него не отняли».¹⁷

Ввозная грамота Н. С. Нармацкому была выдана, но в записи в нее крестьян отказано. Новгородские дьяки при вынесении приговора мотивировали свой отказ следующим образом: «А что Микифор бил челом государю, чтоб ево государь пожаловал, велел ему, Микифору, в ввозную грамоту его крестьян написать, которые его крестьяне живут в том его Микифорове поместье, а в отдельных книгах те крестьяне не написаны, приговорили отказати потому что он, Микифор, о тех крестьянех со ста перваго году по 108-й год государю не бил челом».¹⁸

Дело здесь, по-видимому, не ограничивалось лишь простым совпадением времени отдела поместья Н. С. Нармацкому с изданием в 1593 г. указа о запрещении выхода, но и учитывалось предписание этого указа о подаче челобитных для оформления владельческих прав на крестьян в какой-то определенный срок.

Со срочностью в подаче челобитных о бежавших с 1592—1593 гг. крестьянах мы встречаемся и в Уложении 9 марта 1607 г. Такие челобития должны быть поданы до 1 сентября 1607 г., после чего они рассмотрению не подлежали. В дальнейшем устанавливался пятнадцатилетний срок сыска беглых: «и впредь за пятнатцать лет о крестьянах суда не давати и крестьян не вывозити» и «не возвращать».

¹⁷ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, ст. № 43287, л. 19.

¹⁸ Там же, л. 20.

В Уложении 9 марта 1607 г. также последовательно проводится характерный для законодательства 90-х годов XVI в. о крестьянах и холопах принцип обязательной документации крепостнических отношений.

Лейтмотив, пронизывающий все Уложение 9 марта 1607 г. — это борьба с побегими крестьян и холопов, число которых резко возросло накануне и во время крестьянской войны и незаконным вывозом и смятанием крестьян одними феодалами у других.

В целях повышения эффективности борьбы с крестьянскими побегими в Уложении 9 марта 1607 г. появляются новые моменты, неизвестные нам по предшествовавшему законодательству. Так, впервые в законодательстве о беглых устанавливается система санкций за прием чужих крестьян.¹⁹ С господина, принявшего беглого крестьянина, должен быть взят штраф в пользу государства в размере 10 руб. («да с него же на царя государя за то, что принял противно уложения, доправити десять рублей, не принимай чужаго»). Этот государственный штраф в той же сумме (10 руб.) фигурирует и в Соборном уложении 1649 г. (см. гл. XI, 10).

Кроме государственного штрафа, Уложением 9 марта 1607 г. вводится компенсация старому господину за понесенные им убытки в результате бегства его крестьянина, устанавливаемые в размере 3 руб. в год, — так называемое пожилое. Эта компенсация выплачивается помещиком, у которого жил и работал беглый крестьянин. Беглые крестьяне, как это следует из текста, возвращаются своим старым господам вместе с семьями и имуществом. С этим положением мы встречаемся уже в указе 24 ноября 1597 г., а впоследствии оно применяется в Соборном уложении 1649 г. (гл. XI, 10).

В Соборном уложении 1649 г. вошло и постановление Уложения 9 марта 1607 г. о выдаче беглой крестьянки, вышедшей в бегах замуж, не только лично, но и с семьей (см. Соборное уложение 1649 г., гл. XI, 15).

Возмещение убытков в виде пожилого старому господину; обращение к тем помещикам, которые стремились укрыть у себя беглых, — «не принимай чужаго»; предписание о возвращении беглых крестьян вместе с семьями и имуществом — все это показывает, что крестьяне в это время уже рассматривались как собственность своих господ.

В Уложении 9 марта 1607 г. имеются специальные постановления относительно порядка розыска и возвращения беглых крестьян. Сыск беглых вменяется в обязанность представителям

¹⁹ В законе 24 ноября 1597 г. наказания за прием чужих беглых крестьян еще не предусмотрены. Зато в законодательстве XVII в. они занимают важное место (см.: закон Михаила Федоровича. АИ, т. III, № 92, XXXII; Соборное уложение 1649 г., гл. XI, 10 и др.; указ 13 сентября 1661 г. ПСЗ I, т. I, СПб., 1830, № 307).

государственной администрации на местах: «А в городах наместником, воеводою и судиями, и дьяком, и всяким приказным людям наведываться во всем их в езде [уезде или ведомстве] через старост и сотников и священников, нет ли где пришлых вновью, и где ему скажут, и ему оных брати и спрашивать накрепко: чей он, и откуда и когда бежал, и где сколько жил, и не подговаривал ли его кто».²⁰ В последнем случае лицо, подговорившее крестьянина к побегу, должно быть подвергнуто «торговой казни», штрафу в размере 10 руб., и на него возлагается ответственность за возвращение беглого крестьянина старому господину.

Если же представители местной администрации не будут выполнять предписания Уложения 9 марта 1607 г. о сыске беглых крестьян, то они подвергаются государственному штрафу в двойном размере и отстраняются от занимаемой должности.

Таким образом, в Уложении 9 марта 1607 г. последовательно проводится мысль о том, что сыск и возвращение беглых и вывезенных крестьян является не частным делом помещиков, а делом правительства как представителя господствующего класса в целом. Государство, оформляя юридически крепостное право, заявляет, что оно будет стоять на страже крепостнического порядка и решительно пресекать все отклонения от него как со стороны крестьян, так и со стороны отдельных феодалов и должностных лиц.

Составители Уложения 9 марта 1607 г., учитывая в какой-то мере соотношение классовых сил в стране, вынуждены были проводить менее жесткий закрепостительный курс, чем они хотели бы.

В обстановке бушующей в стране крестьянской войны правительство не смогло обеспечить бессрочный сыск беглых крестьян, действовавший в течение 3 лет после издания закона царя Федора о запрещении выхода крестьян и бобылей. Оно вынуждено было сохранить урочные лета, правда удлинив их до 15 лет как для вывезенных, так и для беглых крестьян. Определенную роль в установлении пятнадцатилетнего срока сыграли и противоречия между дворянством юга и центра, среди которых не последнее место занимал и вопрос об «урочных летах». Пятнадцатилетний срок поэтому может быть рассмотрен также, как известный компромисс между дворянством севера и юга, способствовавший объединению их сил в борьбе с восставшими крестьянами и холопами в критический для господствующего класса момент.

Чрезвычайно важен вопрос о реализации Уложения 9 марта 1607 г. Исследователи почти не располагают материалами, которые позволили бы пролить свет на то, как нормы Уложения пре-

²⁰ И. И. Смирнов. Новый список Уложения 9 марта 1607 г. Исторический архив, т. IV, М.—Л., 1949, стр. 84.

творялись на практике. Ясно только, что пятнадцатилетний срок сыска не привился, и в первые годы правления Михаила Федоровича действовали пятилетние «урочные лета». Поэтому несомненный интерес представляет грамота царя Василия Шуйского в Новгород от 28 июля 1610 г. по челобитью новгородской помещицы Бежецкой пятины Стенаниды Оболяниновой, содержащая некоторые данные на этот счет. Ей было дано «на прожиток» часть поместья умершего мужа Василья Оболянинова, которое 12 октября 1609 г. и отделил вдове отдельщик Андрей Сукин. Однако Стенаниде Оболяниновой пришлось столкнуться с самоуправством своего соседа, помещика Богдана Дубровского. «И тот деи Борис Дубровский, — писала в своем челобитье вдова, — мимо отделу у ней, Стенаниды, в усадище на погосте бобылей отнял и владеет деи он теми бобылями насильством, и в том деи усадище в погосте посадил людей своих. А те деи бобыли у ее мужа, у Василья, посажены были на усадцкой земле. Да тот же деи Богдан Дубровской после отделу вывез из-за нее крестьянина Ортюху Семенова з детьми из деревни Каплина в великий пост, в пятое воскресенье. Да он же деи, Богдан, приказал людей своим и крестьяном — Ивашку Иванову да Ивашку Плотнику, да Ваське Иванову, да Онисимку Самойлову, да Давыдку Васильеву, да Никульке Обросимову, да Самсонку Васильеву и всем крестьяном, а велел деи на усадище рожь и яровой всякой хлеб пожати насильством на себя, а ее деи изгонит из усадища вон и двор деи ее хочет сжечь. А тем деи крестьяном, которые по отделу достались, он, Богдан приказал — слушати се ни в чем не велел. А сказывает деи тот Богдан, что деи ему то ее поместье дано ему, Богдану, в ложить».²¹ Стенанида Оболянинова просила «велети б ей тем поместьем владети по отдельным книгам, а Богдану Дубровскому теми ее крестьяны и бобыли, которые ей по отделу Ондreja Сукина достались, владети и насильства чинити ему не велети».

Поскольку в данном случае речь шла о незаконном вывозе крестьян и нарушении принципа записи в правительственные документы, утверждать который было призвано Уложение 9 марта 1607 г., то решение руководства Поместного приказа, принимавшего, очевидно, непосредственное участие в создании Уложения, было сформулировано совершенно определенно. Новгородским воеводам и дьякам предписывалось по получении грамоты укрепить вдову во владении отделенной ей частью поместья умершего мужа и выдать ей ввозную грамоту «против отдельных книг» Андрея Сукина. «А Богдану Дубровскому ее, Стенанидыным, поместьем усадищем Горою с деревнями и пустошами и крестьяны и бобыли владеть насильством мимо отдельных книг не велели. А которых он людей своих в том ее усадище велел

²¹ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стлб. 43296, лл. 167—168.

посадить и бобылей ее поймал за себя мимо отдельных книг, и вы б с того ее усадища его, Богдановых, людей велели выслати, и теми ее крестьяны и бобыли, которые ей по отделу достались, ему владети и ржи и ярового жати его, Богдановым, крестьяном и людем у нее не велели. А того крестьянина, что он, Богдан, велел вывести из-за нее за себя из деревни Каплина, Ортюху Семенова з детьми, после отделу насильством без нашего указа, и вы б того крестьянина Ортюху Семенова з детьми ему, Богдану, велели ей, вдове Степаниде, отдати и велели бы естя тому ее крестьянину, Ортюхе з детьми, жити по отдельным книгам за нею, за Степанидою, в деревне Каплине, и велели бы есмь ее и крестьян ее от Богдана Дубровского и от ее людей и крестьян беречи, чтоб ей и ее крестьяном от того Богдана и от его людей продаж и насильства никоторова не было».²²

Уложение 9 марта 1607 г. призвано было охранять владельческие права феодалов. В решении по делу вдовы Степаниды Обольяниновой был точно соблюден принцип обязательной регистрации крепостнических отношений в государственных документах (в данном случае — отдельных книгах). Насильственно захваченные бобыли и вывезенный крестьянин возвращались назад, туда, где они были записаны в отдельные книги («и велели бы есмь тому ее крестьянину, Ортюхе з детьми, жити по отдельным книгам за нею, за Степанидою, в деревне Каплине»). Осуществляя эти меры, приказная администрация Василия Шуйского придерживалась традиции 90-х годов XVI и первых лет XVII в., закрепленной Уложением 9 марта 1607 г. Вывезенный крестьянин, как это и требовало Уложение 9 марта 1607 г., возвращался своей старой госпоже с семьей.

Не исключено, что в Поместном приказе в связи с подготовкой и изданием Уложения 9 марта 1607 г. был окончательно выработан формуляр относительно сыска вышедших и вывезенных крестьян, с которым мы встречаемся в жалованной грамоте Лжедмитрия II Власу Устинову от 7 марта 1608 г. Здесь сказано: «И по сей нашей жалованной грамоте крестьянам и захребетникам иноземца литвина Власа во всем слушети, пашню на него пахати, и доходы всякия платити. Да крестьянам из-за Власа за бояр наших, и за воевод, и за князей, и за дворян, и за детей боярских, и за патриарха, и за митрополитов, и за владык не выходити никому, [и] из-за Власа крестьян не вывозити. А которые крестьяне из-за Власа учнут выходить или хто-нибудь учнет вывезити, и бояром нашим, и воеводам, и всяким нашим приказным людем тех крестьян сыскивати, а сыскав, велети жити за Власом по-прежнему».²³

²² Там же, лл. 168—169.

²³ В. И. Корецкий. Об одной «ошибке» архивистов XVIII века. (Лжедмитрий II и вопрос о крестьянском выходе). Археографич. ежегодн. за 1962 г., М., 1962, стр. 242.

Приказные Лжедмитрия II, вербовавшиеся из московских перебежчиков, воспользовались, вероятно, уже готовым формуляром. Нам уже приходилось указывать на близость второй части этого формуляра о сыске и возвращении беглецов с формуляром жалованных грамот Бориса Годунова конца 90-х годов XVI—начала XVII в.²⁴ Теперь хотелось бы обратить внимание на черты, сближающие его с предписаниями Уложения 9 марта 1607 г. (решительное запрещение выхода и вывоза крестьян; большая роль, которая отводится представителям государственной администрации в борьбе с крестьянскими побегам). В дальнейшем этот формуляр применялся в жалованной грамоте Ильмурзе Юсупову Лжедмитрия II и в жалованных грамотах капитану Маржерету Сигизмунда III, выданных в 1610 г.²⁵

Осуществить провозглашенный Уложением 9 марта 1607 г. принцип безусловного запрещения крестьянского выхода на практике оказалось не так-то просто, вокруг него развернулась ожесточенная борьба. Даже в среде приказной администрации Василия Шуйского уже вскоре после издания Уложения 9 марта 1607 г. обнаружилось колебание. Так, при переписывании в феврале 1608 г. жалованной грамоты Казанскому Зилантову монастырю от 1574 г. в нее были вставлены слова, вселявшие надежду на возможность разрешения выхода в будущем: «... которому крестьянину случится пойти за монастырь из-за кого-нибудь в выход в незаповедные лета».²⁶ Нет известий и о том, чтобы казанской администрацией во времена царствования Василия Шуйского были предприняты какие-либо попытки вернуть крестьян Хлыновского монастыря, вышедших из-за него в 1607 г. Более того, несмотря на наличие на них в монастыре записей, они не были возвращены монастырю и при Михаиле Федоровиче. Решение по этому вопросу, вынесенное в 1615 г., половинчато: монастырская земля, захваченная крестьянами, передается Хлыновскому монастырю, но сами крестьяне остаются дворцовыми.²⁷

Хотя Казань в восстании И. И. Болотникова и не принимала участия, но события крестьянской войны разыгрывались вблизи от нее, так что правительству В. И. Шуйского приходилось с этим считаться. Отсюда и отмеченные отклонения от провозглашенного Уложением 9 марта 1607 г. закрепостительного курса.

²⁴ Там же, стр. 238.

²⁵ И. И. Смирнов. К характеристике политики Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу. В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. (К 70-летию А. А. Новосельского). М., 1961, стр. 43—49.

²⁶ Г. З. Кунцевич. Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901, стр. 15.

²⁷ ЦГАДА, ф. Вятская приказная изба, № 1. Копийная книга Хлыновского Успенского Трифонова монастыря, лл. 34 об.—35.

С еще большими трудностями правительство В. И. Шуйского сталкивалось в районах, непосредственно охваченных крестьянской войной. Если переходы крестьян в Нижегородском уезде В. Шуйскому было санкционировать тем легче, что они совершались в дворцовые села, то его политика по сбору оброчных денег диктовалась суровой необходимостью. Судя по данным оброчных книг 1608 г. по Нижегородскому уезду, государевы оброки здесь предполагалось собирать лишь с 1608 г., несмотря на то что ряд мест вышел из льготы в 1605—1607 гг. и с них оброки не брались,²⁸ так как бортники и дворцовые крестьяне выступали на стороне И. П. Болотникова и осаждали Нижний Новгород. Очевидно, считалось за лучшее не вспоминать о недоимках за прошлые годы, чтобы не возбудить нового недовольства у тех, кто еще совсем недавно с оружием в руках выступал против цари Василия. По этому пути пошло и правительство Михаила Федоровича в Калуге, где посадские люди не платили в Москву годовых оброчных денег с 1606 по 1613 г. Правительство Михаила Федоровича, помня недавнюю практику Василия Шуйского, отказалось от получения оброчных денег за прошлые годы, рекомендовав собрать налоги только за 1613 г.²⁹

Мы не знаем, удалось ли правительству Василия Шуйского собрать оброчные деньги с нижегородских дворцовых сел в последующие годы, но несомненно, что в Рязани оно потерпело полный провал. Тяглецы черной слободы г. Переяславля-Рязанского сообщали в своем челобитье в 1611 г. руководителям 1-го ополчения, что с тех пор как «[зача]лась междуусобная брань, со 114 году да по нынешней по 119 год» «дворянские и детей боярских крестьяне во все те во смутные годы с нами з городцкими людьми городовых и острожных поделак не дельвали, и рвов не копали, и башень не де[лали], и в государеву казну никаких податей не давали... и повозак никаких не возили, и запасов не давали и не дельвали».³⁰ Из дальнейшего текста челобитья следует, что крестьяне отказались выполнять частновладельческие повинности, изгнав своих господ из поместий.

Приведенные известия по Нижнему Новгороду, Калуге и Рязани говорят о том, что Василий Шуйский, взяв Тулу, не имел достаточных сил, чтобы восстановить крепостнический порядок в южных уездах страны. Попытки правительства В. Шуйского предпринять шаги в направлении охраны феодальной собствен-

²⁸ ЦГАДА, ф. Боярские и городские книги, Книга Конюшенного приказа № 1, 1608 г., лл. 4 об., 5, 6 об., л. 167 об.—168 и др.

²⁹ В. И. Корецкий. Новый документ по истории русского города времени крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Археографич. ежегодн. за 1964 г., М., 1965, стр. 316—332.

³⁰ С. Б. Веселовский. Акты подмосковных ополчений, стр. 16, 17, (цит. по: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 496).

ности наталкивались на упорное сопротивление. Примером этому может служить конфликт между властями Пурдышского монастыря и крестьянами села Девичий Рукав Темниковского уезда. Во время восстания И. И. Болотникова крестьяне захватили у монастыря землю, «выжгли» и «высекли» монастырские грани. Присланный по распоряжению царя Василия Шуйского в сентябре 1607 г. в монастырь Семен Яковлевич Беклемишев вместе со сторожильцами произвел отвод и межевание монастырских земель. Он распорядился восстановить уничтоженные знаки феодальной собственности, запретив крестьянам в дальнейшем вторгаться в монастырские владения: «И Семен Яковлевич велел на тех же дубах выше старых зженных граней набить новые грани и велел игумену Андрияну з братьею тою пашнею владеть по старым отдельным выписям Василия Языкова, да Матвея Молчанова, да Волтасара Елизарова. А девиченским крестьянам в той монастырской пашне, что они пахали в игуменных гранях отказал и впрод в ней вступатца не велел».³¹ Однако, как это видно из грамоты от 11 августа 1611 г., крестьяне не подчинились распоряжению представителя администрации Василия Шуйского и еще четыре года продолжали пахать монастырскую землю на себя: «...Темниковского уезду села Девичья Рукава крестьяне деревни Полянской староста Федосейко да Иванко Максимов с товарищи хлеб насильством поймали и межю воловую старую перепахали и грани, столбы, повыметали, а которые были грани набиты на стоячем дереве и те грани деревье по-выжгли».³²

При расследовании, производимом посадским целовальником Истомай Симоновым и площадным подьячим Богданом Ордабевым в 1611 г. по распоряжению темниковского воеводы князя Андрея Васильевича Хилкова, было установлено, что наряду с гранями предшествующих отдельщиков были нарушены и грани С. Я. Беклемишева: «...и на том сухом дубу грань старая Семена Беклемишева и новую грань набили на том же дубу, от Чекаевской дороги до того же сухого дуба до половины грани межа воловая старая, что перепахали крестьяне Девичья Рукава...».

Напряженные отношения у крестьян села Девичий Рукав были не только с Пурдышским монастырем, но и со своим владельцем, из повиновения которому они вышли. Об этом можно заключить из отписок людей князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого Богданки Чюбарова и Андриюшки Толчина Ивану Матвеевичу (Бугурлину?): «А от государя нашего князя Дмитрия Тимофеевича к нам, холопом, изустной приказ есть, а велена нам, холопом, твоим крестьяном села Девичья Рукава говорить,

³¹ ЦГАДА, ф. ГКЭ, Шацкий уезд, № 14468, лл. 39—39 об.

³² Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838, № 163, стр. 179.

чтоб мужики тебя, государя, во всем слушали. Да и твой государев приказ к нам есть, а велел ты своим крестьяном говорить и мы, государь, по твоему приказу Девичья Рукава к твоим крестьяном, лутчим людям, посылали, а велели говорить, чтоб тебя, государя, оне слушали по-старому. И крестьяне, государь, твои сказали: рады деи мы государя своею Ивана Матвеевича слушать, да блюдемся деи от Ывана Матвеевича опалы».³³

Опасаясь наказания («опалы») за непослушание, крестьяне села Девичий Рукав, очевидно, предпринимали попытки покинуть своего господина и перейти в вотчину князя Д. Т. Трубецкого в Красную слободу. Такие слухи доходили до Ивана Матвеевича и настолько тревожили его, что он послал соответствующий запрос к Б. Чюбарову и А. Толчину. Те, однако, сочли нужным их опровергнуть, заявив, что крестьяне села Девичий Рукав в Красную слободу не приходили: «Нынешнего, государь, 121 декабря в 15 день писал ты, государь, к нам с Ываном Терегуловым с новокрещеном, что слух [до] тебя, государя дошел, что будто твои крестьяне села Девичья Рукава к нам приходили закладыватца в вотчину государя нашего за князя Дмитрия Тимофеевича х Красной слободе. И нехто тебе, государю, на нас то обалгал напрасна, в мести мол[в]я, государь, Иван Матвеевич, что нам без государя своею князя Дмитрия Тимофеевича указу твоих крестьян Девичья Рукава принимать. И тебе бы, государю, пожаловать, той смуте не верить, а девиченские, государь, крестьяне у нас не бывали».³⁴

Вместе с тем представители краснослободной администрации князя Д. Т. Трубецкого отказывали выдать «старых закладчиков», приписанных прежде к Красной слободе, на которых поступило челобитье от темниковских мурз Спюна Челейникова и Пляша Кутыева. При этом они ссылались на «береженную выпись», выданную им Федором Челюсткиным и Алексеем Чюбаровым, производившим расследование о тех крестьянах: «И как, государь, были в слободе Федор Иванович Челюсткин да Алексей Чюбаров, и у тех крестьян их наказная память за их печатью, что тем мурзам до тех крестьян дела нет и к ним не въезжать и насильства им не чинить».³⁵

В другой своей отписке Б. Чюбаров и А. Толчин продолжали настаивать на своем нежелании выдать спорных крестьян, мотивируя свои действия тем, что «те крестьяне приписаны х Красной слободе да нашего приезде, и мы, государь, тем крестьяном да государя своего князя Дмитрия Тимофеевича указу отказать не смеем».³⁶

³³ ЦГАДА, ф. Темниковская приказная изба, № 1778, л. 5.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 7.

³⁶ Там же, л. 6.

Комплекс материалов о крестьянах села Девичий Рукав представляет исключительный интерес. Документы показывают, что не только правительству Василия Шуйского, но и руководителям 1-го ополчения, утвердившим крепостнический приговор от 30 июня 1611 г., не удалось привести их в полное подчинение. Девиченские крестьяне продолжали своевольничать, в их среде зрели мысли об уходе от своего господина. Время переписки — декабрь 1611 г. — свидетельствует как будто о том, что у крестьян еще жила память о Юрьеве дне, с наступлением этого срока воспоминания об утраченных правах оживлялись. Становится понятным, почему и Василий Шуйский и Лжедмитрий II, и Сигизмунд III, и деятели 1-го земского ополчения вынуждены были в своих приговорах, договорах, законах и актах специально оговаривать безусловность и повсеместность запрещения выхода, хотя далеко не всегда были способны осуществить свои крепостнические предписания на практике.